

Изучение «политики памяти» – задача научная или политическая?

*Политика памяти в современной России и странах
Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная
монография /под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. — СПб.:
Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2020. — 632 с.*

Геннадий Аркадьевич Бордюгов

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-151-158>

Память как самостоятельная сфера общественного бытия на протяжении всей истории человечества являлась самым настоящим полем битвы. Отчасти именно благодаря манипуляциям этой сферой политикам и силам, на которые они опирались, удавалось добиваться своих целей. То же самое происходит и в наше время, в том числе и на «благополучном» Западе. Такое становится возможным вследствие того, что историческая память, как бы преломляясь в бесконечном зеркальном коридоре индивидуальных человеческих воспоминаний и мнений, накапливает колоссальный потенциал для общественных мотиваций и поступков. Отсюда и прикладной характер феномена памяти, с которым надо уметь работать, потому что просчеты в том, как следует чувствовать и понимать прошлое, чреваты самыми непредсказуемыми последствиями для настоящего, а значит – и для будущего.

В академическом дискурсе феномен исторической памяти еще только пытается найти себе место. Причем здесь налицо два противоположно направленных процесса. С одной стороны, еще Р. Барт рассматривал память как субстанцию вполне рациональную и историческую, противопоставляя ее мифу. По его словам, миф появляется по мере «убывания историчности в вещах» и, соответственно, утрачивания ими памяти о себе¹. С другой стороны, наблюдается определенный смысловой конфликт между исследованиями исторической памяти – точнее, *memory studies* – и историографией как таковой: оба направления до сих пор никак не могут должным образом размежевать предметные области

1 Barthes 1957.

своих изысканий¹. Поэтому очевидна ценность каждого нового опыта уточнения исследовательского пространства исторической памяти.

Коллективная монография «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» как раз претендует на то, чтобы стать путеводителем по непростой проблеме отечественного опыта взаимоотношений реальности как таковой, воспринимаемой в рациональном ключе, с мифологизированными представлениями о том, что и как было вчера. «Политика памяти» становится все более значимым инструментом «мягкой силы». Открывая сборник, А.И. Миллер отмечает, что «политика памяти» «концептуализирована как сфера, напрямую связанная с вопросами безопасности» (с. 12).

Первый раздел монографии – «Концептуальные аспекты политики памяти». Этот раздел задает общую тональность и методологические установки исследования памяти и ее исторических проявлений. О.Ю. Малинова разбирает само понятие «режима памяти» как тех или иных интерпретаций значимого исторического события – интерпретаций, которые описывают «доминирование одних версий памяти и маргинализацию других» (с. 39), и рассматривает различные подходы к изучению такого рода символических войн за память. Я.В. Севастьянова и Д.В. Ефременко анализируют сосуществование национального и наднационального способов конструирования идентичности в проектах памяти Советского Союза на протяжении всего его существования: от решительного перекаривания карты страны в первые годы советской власти через сталинский ««руссоцентристский» поворот» (с. 50) к перестроечному распаду. Авторы делают обоснованный вывод о том, что кризис страны был во многом «радикализован разрушением метанарратива», с помощью которого создавалась советская идентичность (с. 59). Д.В. Ефременко рассматривает западные перипетии «политики памяти» и судьбу умственного «идола панъевропеизма». Россия сохраняет здесь непривычную для себя роль наблюдателя, в то время как силы евробюрократии в условиях неудачных попыток выстроить единый общеевропейский проект памяти, некую международную мифологию, перенаправили усилия на достижение «аккомодации трагического опыта истории XX в. к политическим установкам этих сил» (с. 72). Отсюда же происходит и провалившийся проект превращения Холокоста в стержень исторической памяти европейских народов².

Второй раздел книги – «Институты политики памяти и мнемонические акторы» – посвящен уже более конкретным примерам работы с памятью, в основном в России. В главе В.В. Лапина рассматривается деятельность Российского исторического и Российского военно-исторического обществ, являющихся официальными государственными регуляторами в истолковании и сохранении исторической памяти России. Однако эти общества справляются с возложенными на них задачами ведения «войн памяти» не столько благодаря получаемой ими поддержке от власти, сколько в результате работы небольших групп энтузиастов, на которых они опираются. По справедливому замечанию автора, РИО и РВИО стали «Министерством исторической политики» (с. 95) современной Рос-

1 Ростовцев, Сосницкий 2014, 116.

2 Об этом см., например: Finkelstein 2003.

сии. К.А. Пахалюк оценивает преломления исторической памяти последних лет и рассматривает, как это делалось прежде. Прошлое – почти всегда трагедия, поэтому в главе подчеркивается, что «центральный нерв» соприкосновения памяти и актуальной политики – это «проблема ответственности за темные страницы прошлого» (с. 98). Современный мир беден на идеи, поэтому в условиях «ценностного дефицита» (с. 102) политикам приходится обращаться к прошлому. Автор также анализирует дискурсивные практики нынешнего российского внешнеполитического руководства, основанные на работе с прошлым и памятью о нем, и делает вывод, что несмотря на, казалось бы, невысокий интерес политического класса к сфере исторической памяти, ее значение для обоснования морального превосходства России постоянно возрастает.

М. Ларюэль анализирует механизмы доступа Русской православной церкви к ресурсам «символической политики» (с. 123), ради чего, по мнению автора, «РПЦ пришлось позиционировать себя как одного из главных ресурсов государства» (с. 123). В церковной среде автор выделяет несколько «субкультур» (с. 125). Церковь как бы перехватывает повестку памяти о ГУЛАГе, новомучениках, репрессиях у светских властей и оппозиции и использует это для поддержания идеи непрерывности российской государственности. Поэтому «церковный авторитет в вопросах памяти эволюционирует» (с. 142). Е.И. Махотина анализирует близкую тему, только в более прикладном ее изводе, а именно в контексте борьбы Церкви и светских институций (общества «Мемориал», в основном) за память о репрессированных и оценивает их сотрудничество, которое также имеет место. Автор подчеркивает любопытный момент: кресты, устанавливаемые церковью в местах массовых захоронений репрессированных, служат «“защитой” для неудобной с точки зрения государства памяти» (с. 160). Так или иначе, Русская православная церковь является на сегодняшний момент «доминирующим актором в вопросах увековечивания памяти о жертвах репрессий» (с. 160). Д.А. Аникин продолжает тему церковной коммеморации, говоря о феномене «конфессионального музея». Он разбирает различные экспозиции, посвященные истории епархий, монастырей или личностей. То есть все три главы раздела, посвященные исторической памяти и Церкви, позволяют взглянуть на проблему с непривычной стороны: Церковь в качестве актора пространства памяти, оказывается, намного более активна и самостоятельна, чем принято считать.

Три следующие главы раздела – об исторических парках «Россия – моя история» В.П. Казьминой, о движении «Бессмертный полк» А.М. Понамаревой и об одном негосударственном мемориальном проекте Ф.Д. Веселова – затрагивают вопросы практической коммеморации и материального закрепления тех или иных мест и фигур памяти. Во всех трех материалах речь идет о проектах, которые в принципе невозможно воспринимать в отрыве от исключительно политического нарратива. Раздел логически подытоживается главой Е.Ю. Мелешкиной «Мемориальные законы в посткоммунистических странах». Особенностью этих законов, по мнению автора, почти всегда становится «ревностное травматизированное воспоминание» (с. 247). К этому выводу так и напрашивается добавить – и следствие утраты единой коммеморационной вертикали.

В третьем разделе коллективной монографии – «Локальные и групповые исторические нарративы» – собраны работы о «политике памяти» и различных

ее проявлениях в привязке к конкретному месту или сообществу. Так, А.Т. Урушадзе анализирует память о Кавказской войне в республиках Северного Кавказа (в особенности, в Адыгее), делая вывод о том, что историческая память России представляет собой «память различных сообществ», из-за чего невозможно построение единой «вертикали памяти» (с. 278). Однако, стоит отметить, что невозможным оно стало лишь после развала Советского Союза, до этого же такая вертикаль, пусть и с большим количеством оговорок, вполне успешно существовала на протяжении нескольких столетий. Кавказскую тему продолжает Е.Ф. Кринко, рассматривая изменения в мемориальной политике России по отношению к памяти о депортированных народах Кавказа, трансформировавшейся от игнорирования данной темы к признанию ее важности на федеральном уровне. О другом опыте социальной стерилизации XX века – трагедии казачества – и сопутствующих мемориальных практиках рассказывает О.В. Рвачева. Продолжая мысль автора, можно констатировать, что мемориализация рассказывания представляется крайне важной темой, так как «интенсивное обращение к истории и памяти казаков» (с. 321), во-первых, укрепляет российскую государственность, а во-вторых, «перехватывает» образ казака, который все активнее эксплуатируется Украиной в антироссийском и далеком от исторической действительности ключе¹.

Главы А.В. Михалева и И.О. Пешкова посвящены границе в расширительном смысле этого слова и памяти о ней. В первой из них речь идет о памятниках русским первопроходцам и мемориальных нарративах в Сибири и на Дальнем Востоке. Автор делает важный вывод о наличии «единого символического пространства» (с. 335) приграничья. Стоит добавить к авторскому наблюдению, что это «символическое пространство» сходно с аналогичным «символическим пространством» Юга России, что неудивительно, так как в обоих случаях главным субъектом памяти является казачество. Во второй из глав анализируются механизмы исторической памяти и мифология «фронтира» на примере Забайкалья – «приграничные ретрогаллюцинации» (в смысле: мнения о прошлом, не имеющие подтверждений ни в пору своего возникновения, ни в настоящее время, с. 356), как называет их автор. Из приведенных им примеров становится понятно, как память оживляет историю почти физически, актуализируя, например, образы белогвардейских атаманов.

Заключительный материал раздела – глава И.О. Дементьева о символическом ландшафте Калининграда на примере мемориализации личности профессора Николая Арсеньева, русского эмигранта, жившего в Кенигсберге и сотрудничавшего с администрацией Третьего рейха. Вопрос о коммеморации этого исторического персонажа раскрывает мемориальную специфику Калининграда – русского города с немецким прошлым, и в исследовании делается интересный обзор этой малоизученной и практически не артикулированной диалектики.

Четвертый раздел книги, «Медиа и политика памяти», раскрывает роль СМИ как одного из важнейших акторов в работе с памятью различных сообществ. Как и другие разделы книги, он представляет собой целостный смысловой кластер,

1 Одним из многочисленных примеров подобного переписывания истории можно назвать монографию: Горобець 2007.

системно освещающий заявленную проблематику. Сначала глава Ю.А. Сафровой концептуализирует саму тему раздела, намечая возможные пути ответов на актуальные вопросы: что есть так называемая медиапамять, каким образом организована ее структура, каковы механизмы «производства» «культурной памяти» (с. 390)? Затем Ю.А. Павловская рассказывает о специфике «потребления истории» (с. 391), исследуя такие издания, как «Родина», «Дилетант», «Историк». С.И. Белов рассматривает редко упоминаемые в контексте «политики памяти» фигуры: разработчиков видеоигр, авторов комиксов и писателей в жанре фэнтези, блогеров. Эту же тему на более конкретном примере современных украинских комиксов анализируют В.К. Герасимов и А.А. Плеханов, реконструируя мрачную и гротескную картину того, как культурная и историческая память формируются с помощью подобного продукта масскульта в сфере медиа и продуцирует до крайности уродливый и эклектичный национальный псевдомиф – «фантазм о сильном государстве» (с. 434).

Пятый раздел – «Политика памяти в Белоруссии, Украине, Молдове» – посвящен исследованию различных практик памяти в соседних государствах. Г.В. Иоффе рассматривает историю Белоруссии в контексте конструирования различных проектов памяти и анализирует «белорусизацию взгляда на историю» (с. 481). У Г.В. Касьянова представлен детальный разбор политики «„декоммунизации“ символического пространства» (с. 518) на протяжении последних десятилетий украинской истории. В отличие от Белоруссии, Украина не конструирует собственную идентичность самостоятельно, а выстраивает свою «политику памяти» на противостоянии советскому прошлому. А.А. Плеханов продолжает разговор об Украине, а конкретно – об Украинском институте национальной памяти, играющем «роль координатора государственной политики для других акторов» (с. 540), то есть фактически ставшем проводником репрессивного по отношению к альтернативным историческим подходам и практикам памяти нарратива. В главе А.В. Фелькер систематизируются факты истории кишиневских музеев в период независимости Молдовы. Представляется значимым вывод исследовательницы о том, что на сегодняшний момент можно констатировать парадоксальное для постсоветского пространства явление – ситуацию «раздельной памяти» (с. 567), при которой одни, условно прогосударственные, музеи выстраивают дискурс памяти, диаметрально противоположный дискурсу оппозиционных музеев, что приводит к внутринациональному разобщению.

Шестой раздел сборника, «Политика памяти в непризнанных республиках постсоветского пространства», освещает, пожалуй, одну из наименее исследованных тем даже внутри и без того малоизученной области «политики памяти».

Он начинается с главы А.А. Вороновича и А.В. Фелькер о мемориально-символической «политике памяти» первого пророссийского непризнанного государства – Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Эта страна выстраивает свою мемориальную политику, ориентируясь на связь с Россией в любой ее исторической формации. Что особенно интересно, по наблюдению авторов, со стороны ПМР «войн памяти» с Молдовой не наблюдается – скорее, речь идет о «выстраивании параллельных “вселенных” памяти» (с. 587).

С момента распада СССР ни в одном конфликте на территории постсоветского пространства «войны памяти» не велись с такой интенсивностью, как в

ходе конфликте на Донбассе, чему посвящена глава Е.А. Бабкиной. По словам исследовательницы, масштабный геополитический проект Новороссии актуализирует сразу несколько важных пластов национального самосознания: русскую идею, мысль о новом собирании земель, ирредентизм, активную ностальгию по советскому прошлому, предельно живую память о Великой Отечественной войне. Словом, проект Новороссии призван «идеологически “обновить” Россию» (с. 597). А.А. Воронович разбирает символическую политику элит ПМР и ЛДНР и подчеркивает яркую особенность пророссийского «сепаратизма»: возможность «расширения внутренней и внешней легитимности за счет декларативной репрезентации интересов полиэтничного населения» (с. 626).

Историческая память присутствует в современной политике еще более зримо и плотно, чем непосредственная злободневная повестка, ведь, как известно, политика – это во многом прикладная история. Богатство исторической памяти – в сущности, не менее важный ресурс государства, чем полезные ископаемые. При правильном использовании, при нужном «режиме памяти» она превращается в грозное оружие, надежный фундамент, инструмент национального строительства и обеспечения геополитической субъектности.

Сборник представляется исключительно важным и своевременным. Он убедительно показывает отсутствие у современной России какого-то определенно-целостного подхода к работе с памятью. Несмотря на то что его авторы не ставят себе целью доказать это утверждение, подобный посыл прочитывается между строк многих материалов сборника. Но почему это делается между строк? По-видимому, академическое сообщество пока не готово перестать быть только лишь сторонним и как бы независимым наблюдателем бытования памяти. Но правомерен и другой вопрос: если ученые займутся не только анализом представлений о прошлом, но и их заинтересованным созданием, не выпадут ли они из академического дискурса? Однозначного ответа на вопрос о допустимой доле субъективности при изучении «политики памяти» нет. Всякий раз приходится двигаться на ощупь. Сборник под редакцией А.И. Миллера и Д.В. Ефременко представляет собой пример подспудной, неявной актуализации изучения памяти для запросов общественно-политического контекста. Подобный опыт, несомненно, имеет полное право на существование. Но однозначно и то, что только им не исчерпываются подходы к постижению «политики памяти».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Barthes, Roland. *Mythologies*. Paris: Éditions du Seuil, 1957.

Ростовцев, Е.А., Сосницкий, Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – 2014. – Вып. 2. – С. 106–126. [Rostovcev, Evgeny A., and Dmitry A. Sosnitskiy "Main Areas of Russian Memorial Researches" [Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii] *Vestnik of Saint Petersburg University. History 2*, no.2 (2014): 106–126] [In Russian].

Finkelstein, Norman G. *The Holocaust Industry: Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering*. London: Verso, 2003.

Горобець, В.М. «Волимо царя східного...» Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. – Київ: Критика, 2007. – 464 с. [Gorobec, Victor M. "Craving for the Tsar of the East" *Ukrainian Hetmanate and Russian dynasty before and after Pereyaslav* [«Volimo carya shkhdnogo...» *Ukrains'kij Get'manat ta rosij's'ka dinastiya do i pislya Pereyaslava*] *Kiyv: Critics*, 2007] [In Ukrainian].

Сведения об авторе

Бордюгов Геннадий Аркадьевич,

к.и.н., президент Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI).

e-mail: borddav@hotmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 октября 2020. Принята к публикации: 17 ноября 2020.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Бордюгов, Г.А. Изучение «политики памяти» – задача научная или политическая? // *Международная аналитика.* – 2020. – Том 11 (3). – С. 151–158
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-151-158>

Author

Gennady A. Bordugov,

PhD in History, Director of the Association of Researchers of the Russian society

e-mail: borddav@hotmail.com

Additional information

Received: October 20, 2020. Accepted: November 17, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Bordugov, Gennady A. "Is the Study of the 'Memory Politics' a Scientific or Political Task?"

Journal of International Analytics 11, no. 3 (2020): 151–158.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-151-158>